

Почему «потаиша» смерть князя Владимира (К летописной статье 1015 г.)

Согласно *«Повести временных лет»*, 15 июля 1015 г. умер Владимир Святославич¹. Масштабность фигуры князя, крестившего Русь, принудившего платить дань окрестные народы и крепившего оборону против печенегов, подчеркивалась еще и неформальными связями с подвластным населением столицы, для которого Владимир устраивал регулярные праздничные угощения:

...Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотъницъ кунами. Устрои же и се, рек яко «Немощнии и болнии не могутъ долѣсти двора моего», повелѣ пристроити кола, и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ розноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: «Кде болнии и нищъ, не могы ходити?» Тѣмъ раздаваху на потребу².

Даже если предположить, что щедрость Владимира летописцем преувеличена (в особенности, что касается раздачи денег из казны по первому требованию), все же доля правды в этой оценке, очевидно, есть. Странно поэтому, что похоро-

ны правителя, образ жизни которого можно считать эталоном публичности, были окутаны атмосферой тайны:

Умре же [Володимир. — Ю. П.] на Берестовѣмъ, и потаиша и, бѣ бо Святополкъ Кыевѣ. Ночью же межю двема клѣтми проймавше помость, оберѣвшѣ в коверь и, ужи свѣсиша на землю; възложьше и на сани, везьше поставиша и въ святѣй Богородици, юже бѣ създалъ самъ. Се же увѣдѣвьше людѣе, бе-щисла снидошася и плакашася по немъ, боляре аки заступника ихъ земли, убозии акы заступника и кормителя. И вложиша и в корсту мороморяну, схраниша тѣло его с плачемъ, блаженаго князя³.

Видим, что широкий доступ к телу открывается лишь в стенах церкви, тогда как его перевезение из загородной резиденции Берестового совершалось в обстановке секретности. Чем была вызвана подобная предосторожность попробуем ответить в предлагаемой заметке.

Упоминание в приведенном отрывке сына Владимира, Святополка, показанного ниже в летописи зачинщиком братоубийственной войны, понуждает думать, что именно от него придворные хотели скрыть смерть великого князя. Так посчитал В. Н. Татищев, а впоследствии Н. М. Карамзин, предполагая, что киевская знать, опасаясь властных притязаний Святополка, пыталась утаить от него отцову смерть, одновременно послав гонца к Борису, которого желала видеть киевским князем⁴. Борис же в это время находился в Переяславщине, куда был направлен Владимиром во главе киевской дружины для отражения печенегов, столкновения с которыми в тот раз так и не произошло⁵.

Хотя Владимир и был погребен ночью, довольно поспешное перевезение тела из удаленной загородной резиденции в центр княжеской столицы, в Десятинную церковь, никак не могло способствовать сокрытию события от Святополка, согласно этой же летописной статье, находившегося тогда в Киеве. Е. Е. Голубинский пытался объяснить очевидное противоречие путем нескольких конъектур к летописному тексту, призванных обосновать реконструкцию событий в том смысле, что сам Святополк скрывал смерть отца, но враждебные ему бояре тайком вывезли тело Владимира, переправив его в Десятинную церковь, чем сделали смерть князя известною всем киевлянам⁶.

А. А. Шахматов, соглашаясь с версией Е. Е. Голубинского, все же делал две правки. Во-первых, он считал, что не летописный рассказ заимствован из житийного, а наоборот⁷. По его заключению, порча текста произошла при его перенесении из Древнейшего летописного в Начальный свод. В первом якобы читалось: «*Умре же на Берестовѣмъ, и потаи и Святополкъ, бѣ бо Кыевѣ; бо яре же ночью межю клѣтми проймавше помость*» и т. д. Стоило прочесть приведенную фразу «*и потаи и, Святополкъ бѣ бо Кыевѣ*», — думал А. А. Шахматов, — как необходимым оказывалось отыскать подлежащее к «*потаи*», которое и было найдено в следующей фразе; «*потаи*» должно было замениться формой «*потаиша*»⁸.

Во-вторых, если в выводах Е. Е. Голубинского необычный способ выноса тела из терема выглядит как элемент боярской авантюры, ослушания Святополка, то А. А. Шахматов напоминал, что, согласно исследованию А. А. Котляревского, перенесение покойного не через дверь, а через специальный пролом — традиционный элемент погребальной обрядности славян⁹.

А. А. Шахматов также предполагал, что в Древнейшем своде далее оговаривалась цель, с которой Святополк хотел скрыть смерть отца. Это — притязания на киевский стол любимого киевлянами Бориса¹⁰. По мнению ученого, Святополк пытался, утаив смерть отца от жителей столицы,

помешать Киевлянам и войску провозгласить Бориса князем при первом известии о смерти Владимира, а тем временем наемные убийцы должны были покончить с Борисом. Я думаю, поэтому, — писал Шахматов, — что непосредственно за словами «умре же на Берестовьмь и потаи и Святополкъ, бѣ бо Кыевъ» в Древнейшем своде читалось то, что попало в летопись ниже: «и приде [Святополк. — Ю. П.] ночью Вышегороду отай, призва Путшию и Вышегородьскыѣ боярьце и рече имъ: прияте ли ми всѣмъ сердцемъ? Рече же Путша и Вышегородьци: можемъ главы своя сложити за тя. Онъ же рече имъ: не повѣдуче никомуже, шедше убийте брата моего Бориса. Они же обѣщашася ему се створити» (а далее: «бояре же, ночью межю клятми примавше помость», и т. д.)¹¹

По мнению Д. С. Лихачева, доля истины в рассуждениях Е. Е. Голубинского заключается только в том, что Святополк действительно был заинтересован в сокрытии смерти Владимира, так как опасался, чтобы киевляне не провозгласили Бориса князем.

Однако именно так и можно понять текст «Повести временных лет», не внося в него никаких изменений, — писал ученый, — смерть Владимира «по-таиша» в интересах Святополка. Эти «потаившие» смерть Владимира люди сделали так потому, что Святополк был в Киеве («бе бо Святополк Кыеве») и, следовательно, имел власть отдавать распоряжения¹².

Полностью соглашаясь с частью вывода Д. С. Лихачева, которая говорит о том, что смерть скрыли в интересах Святополка, суммируем противоречия всех предыдущих мнений. Представляется, что бояре — предполагаемые сторонники Бориса, — желая призвать его в князья, должны были сначала позаботиться не о переправке тела Владимира в Десятинную церковь, а о скорейшем тайном послании к Борису в Переяславщину гонца с известием о смерти отца и призывом поспешить в столицу. Поскольку похороны князя могут расцениваться как первый этап вокняжения его наследника, то именно сторонникам Бориса было бы выгодно как можно дольше медлить с похоронами Владимира, чтобы выиграть время для возвращения Бориса в Киев. Согласно же Е. Е. Голубинскому и А. А. Шахматову, эти приверженцы Бориса сделали все, чтобы открыть тайну той же ночью, ускорив таким образом приход к власти Святополка, которого, по мнению уче-

ных, как раз и не поддерживали. В любом случае, кто бы ни были те, кто «потаиша» тело — противники Святополка или его сторонники, — утайка длилась лишь до ночи, поэтому заведомо не могла ни помочь, ни воспрепятствовать находящемуся вдали от Киева Борису занять стол, то есть — вообще не имела к этому князю никакого отношения.

Кроме того, может быть поставлен под сомнение общепринятый тезис о том, что претензии Святополка на освободившийся отцовский стол были менее законными, чем претензии Бориса.

С одной стороны, Святополк не был любим Владимиром и, видимо, пытаясь добиться большего, проявлял непокорность воле отца. Так, согласно Несторову *Чтению о св. Борисе и Глебе*, Владимир вывел Бориса из Владимира Волынского, опасаясь злого умысла против своего любимца со стороны Святополка¹³. Этому созвучны сведения саксонского хрониста Титмара Мерзебургского о том, что сын Владимира, женатый на дочери польского князя Болеслава (то есть — Святополк) был заключен под стражу вместе с женой и епископом Рейнберном (ее духовником?), когда киевский князь узнал об их сговоре против него с Болеславом. Причем, согласно Титмару, на момент кончины Владимира Святополк оставался в заключении (Титмар VII, 72(52) — 73)¹⁴, чем, очевидно, и объясняется то, почему он, будучи туrowsким князем, после смерти Владимира оказался поблизости.

В то же время Святополк, признававшийся Владимиром в качестве сына, был старше Бориса. Согласно летописи, в ответ на призывы дружины отца отбить у Святополка киевский стол, он, якобы, произносит: «Не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣйшаго: аще и отець ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто»¹⁵. Несмотря на кажущуюся нереальность такого благородства, то, что в решении Бориса присутствовала мотивация старшинства Святополка, — кажется правдивым. С ней вполне согласуется то, что великокняжеская дружина покинула возглавлявшего ее Бориса, из-за чего он и остался беззащитным перед убийцами. Кроме того, факта старшинства Святополка не могли замолчать лица, симпатизировавшие Ярославу и Борису, составлявшие летопись и жития Бориса и Глеба.

Приведенное, очевидно, свидетельствует о том, что со смертью Владимира проявилась коллизия, при которой неоспоримая при его жизни «отцова воля», по которой был избран главный наследник, теперь вошла в противоречие с естественным «правом старшинства», когда место отца, по традиции, полагалось занять старшему из сыновей как старшему в роде. В этом смысле показательным, что даже безусловная поддержка киевской дружины не позволяла самому Борису чувствовать себя вполне законным наследником киевского стола. По-видимому, единственным разграничителем прав участников родового совладения Русью, при котором «тело страны» соответствовало «телу княжеского рода»¹⁶, логично мог выступать только принцип старшинства, согласно которому старший город — Киев — должен был занять старший брат, а в случае его смерти — следующий по старшинству. Нарушение подобного правила грозило посеять хаос.

Иное дело, что такой порядок владения не позволял киевскому князю чувствовать себя полновластным правителем державы, что и побуждало его к устраниению своих младших братьев¹⁷.

Соображения о том, что утайка смерти Владимира заведомо не могла быть призвана помешать Борису занять киевский стол, дополним еще одним замечанием. По мнению А. А. Шахматова, узнав о смерти отца, Святополк, намереваясь скрыть ее от Бориса, сразу же проводит совет с вышгородцами, на котором поручает им убить брата, но на Берестове бояре раскрывают тайну¹⁸. Однако, как было показано выше, такая их поспешность, имея она место, была бы на руку не Борису, а Святополку. Значит, на самом деле, утаивание смерти, составившее менее суток, было в интересах Святополка. Понятно, что осуществление убийства Бориса за такой короткий срок планироваться не могло. Врядли Святополк вообще мог рассчитывать на успех заговора против Бориса до тех пор, пока от того не ушла киевская дружина. Поэтому, вопреки мнению А. А. Шахматова, сговор в Вышгороде должен был состояться позже погребения Владимира и вокняжения Святополка и едва ли уже не после возвращения дружины Бориса в Киев, то есть — в том же порядке, в котором это представлено в летописи. В результате, согласно *Житию св. Бориса и Глеба*, замысел убийства Бориса удалось осуществить только 24 июля¹⁹, — лишь на девятый день смерти Владимира.

Все сказанное еще раз подтверждает, что утаивание смерти Владимира и заговор против Бориса — несвязанные друг с другом события.

* * *

Итак, смерть Владимира скрывалась, хотя и недолго, именно ради Святополка, но пока непонятно — от кого и для чего. Присутствие Святополка в Киеве, казалось бы, позволяло ему поскорее занять стол, перед тем похоронив отца. Но почему-то он не смог или побоялся это сделать днем. Чью же бдительность он хотел усыпить?

В традиционной, по существу — языческой обрядности проводов Владимира (с выносом тела не через дверь и перевозе его на сани), сохранявшейся и после этого веками, на сей раз было допущено умышленное отклонение от нормы — избежание огласки свершившейся смерти. Скрытность княжеского окружения в данной ситуации довольно просто объяснима, исходя из многочисленных свидетельствах о массовых бесчинствах, свойственных периоду междоусобиц в архаических обществах и более того — предусмотренных традицией. Это явление, получившее в этнографической литературе название «легальной анархии»²⁰, как правило, сопровождалось грабежами всех и вся, но в первую очередь — ограблением тел и резиденций умерших государей.

Богатый материал, свидетельствующий о значительном распространении ограбления мертвых государей на территории средневековой Европы, недавно был приведен в обширной статье М. А. Бойцова. Детально остановившись на

ограблении покойных пап и кардиналов, автор приводит не менее подробный свод аналогичных действий в отношении светских монархов. При этом, он подчеркивает «более выгодное» положение последних, коим раньше и лучше удалось выработать теорию наследственности власти и правила передачи имущества наследнику, следовательно добиться сведения к минимуму промежутка безвластия, тогда как в первом случае, со смертью епископа еще только предстояло определить его преемника²¹, а значит и имущество дольше оставалось «без зяйского глаза».

Феномен ограбления правителей фигурирует в статье М. А. Бойцова под термином «сполирование» — от латинского *jus spoli* — права части духовенства на выморочное имущество папы или другого епископа²². Несмотря на маловероятность связи всенародных грабежей с каким-либо юридическим институтом, термин «сполирование», восходящий к латинскому *spolio* — «снимать одежду, раздевать, обдирать, похищать, лишать»²³ вполне отражает существо творившихся вплоть до погребения монарха бесчинств²⁴.

Характерный пример такого поведения подданных, последовавшего за кончиной их сюзерена, встречаем в связи со смертью короля Англии и герцога Нормандии Вильгельма Завоевателя (1087 г., близ Руана).

Медики и другие лица, проводившие около него ночь, видя его умершим, бросились к своим лошадям и пустились по домам, каждый для охранения своего имущества. Служители и вассалы низшего разряда, после бегства высших, захватили посуду, одежды, белье, оружие, всю движимость и также убежали, оставив почти обнаженный труп на полу²⁵.

И только благодаря душевной доброте некоего местного рыцаря Херлуина (Герлюэна), взявшего заботу о теле на себя и доставившего его по суше и водным путем до города Каэна, Вильгельм Завоеватель был торжественно погребен в присутствии ранее бросивших его тело прелатов²⁶. Впоследствии точно так же был брошен труп его сына Вильгельма Рыжего, погибшего в лесу на охоте²⁷, а также внука его брата Генриха, Генриха II:

Когда король умер, то служившие ему поступили с его телом также, как поступили некогда с останками Вильгельма Завоевателя: сняв немедленно с покойника последнее платье и все, что было драгоценного в комнате и в доме, все они его покинули. С трудом можно было найти людей для покрытия тела саваном и лошадей для перевозки²⁸.

Предполагая, что смерть русского князя Владимира скрывали, пытаясь избежать споллий, упомянем два следующих приведенных М. А. Бойцовым случая. Первый — касается непосредственно истории Руси и связан с ближайшими последствиями убийства князя Андрея Боголюбского (1175 г.). Хозяин Боголюбова был убит субботней ночью 29 июня и ограблен в своем дворце своими же приближенными и ими же брошен в огород «на съедение псам». Позже сердобольный Кузмище Киянин (напоминающий нам своим благочестием выше упомяну-

того рыцаря Херлуина) настоял, чтобы хоть как то прикрыть нагое тело покойника и перетащил его к церкви. Там оно двое суток оставалось в притворе, пока игумен Арсений, без согласия «старейших игуменов», добился, чтобы храм открыли и провел там отпевание. Тем временем в Боголюбове и во Владимире свирепствовали грабежи:

горожане же Боголюбьци розграбиша домъ княжь, и делатѣли [то есть — строителей. — Ю. П.], иже бяху пришли к делу: золото и серебро, порты и паволокы, имение, емуже не бѣ числа, и много зла створися въ волости его, посадниковъ и тувуновъ дома пограбиша, а самѣхъ и дѣскиѣ его и мечники избиша, а дома их пограбиша... Грабители же и ись сель приходяче грабяху. Тако же и Володимѣри, оли же поча ходити Микулиця со святою Богородицею, в ризах по городу, тожь почаша не грабити²⁹.

А в пятницу «владимирцы» организуют торжественную переправку тела Андрея из Боголюбова во Владимир, причем, завидя издалека княжеский стяг во главе процессии, «людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопяхуть, от слезь же не можаху прозрити, и вопль далече бяже слышати (...) и тако плакася по нѣмь всь градъ»³⁰.

М. А. Бойцов приходит к заключению, аналогичному тому, которое в свое время сделал И. Я. Фроянов: описанные летописью грабежи производились

не из «социального протеста» или же, по крайней мере, не только из него. И горожане, и деревенские жители отправляются грабить палаты князя в Боголюбове, его двор и двory его людей во Владимире, как только осознают, что «власти нет»³¹.

Ученый справедливо заключает: «*те же самые люди, что с энтузиазмом грабили княжеских тиунов, спустя пару дней и рыдали в голос, едва только завидев вдалеке скорбную процессию, движущуюся от Боголюбова*»³².

Второй из приведенных М. А. Бойцовым пример, на который хотелось бы обратить особое внимание, касается предотвращения возможных споллий монарха. Карл Великий еще при жизни своим завещанием позаботился о максимальном распределении или же — вернее сказать — «распылении» своего имущества между своими потомками, церковью, бедными и, кажется, даже предусмотрел, чтобы было чем пожить после его смерти естественному (как тогда считалось) в таких случаях грабежу³³. Однако, после кончины императора (814 г.) подобного не произошло и, как отмечает историк, — именно благодаря поспешному погребению Карла. По наблюдению М. А. Бойцова, для споллирования лучше всего «подходило» время как раз от смерти государя до его погребения. «*Сама погребальная служба предстает как своего рода завершение анархического периода licentiae sevandi*³⁴ и начало восстановления порядка. Так было и в случае с Андреем Боголюбским, и в случае с Вильгельмом Завоевателем»³⁵. Но при этом, нельзя не согласиться с ученым, что во избежание перерыва в осуществлении власти, у смертного одра монарха нужно было стоять лицу, этой властью ка-



События 1015 г. Миниатюра из Сказания о свв. Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику XIV в.

кое-то время уже успешно распоряжающемуся. При Карле таким верным и могущественным человеком был ахенский пфальцграф Вала, которого побаивался даже наследник Карла – Людовик. Но, видимо, именно благодаря Вале, имущество Карла Великого, вплоть до прибытия в Ахен Людовика, оставалось в целости, и спolieвание в этот раз не состоялось. Сам же Людовик цивилизованно, согласно воле отца, раздал все его имущество³⁶.

Очевидно, в разбираемом нами случае кончины князя Владимира, благодаря неразглашению вести о его смерти и поспешному погребению под покровом

ночи с одновременным вокняжением Святополка, удалось предотвратить сполли, которые могли бы стать наиграндиознейшими в истории Руси, ведь и при жизни Владимир, как говорилось выше, славился незаурядной щедростью. Рискнем даже предположить, что одним из факторов, заставивших киевское боярство, в основном симпатизировавшее Борису, поддержать вокняжение Святополка, было именно стремление знати избежать периода анархии и разграбления чернью всего города, в частности — своих имуществ.

Сообщение *Повести временных лет* о том, что после смерти Владимира Святополк был в Киеве, может быть несколько уточнено, благодаря передаче этих же событий *Чтением о св. Борисе и Глебе* Нестора. Там говорится, что Святополк, узнав о смерти отца, «всede на коня и скоро доиде Кыева града, и седе на столе отца своего»³⁷. А. В. Назаренко, учитывая сведения Титмара Мерзебургского о том, что на момент смерти Владимира Святополк находился в заключении (Титмар VII, 73)³⁸, пишет, что, в связи со смертью киевского князя, он, разумеется, немедленно мог выйти на свободу³⁹. Еще А. А. Шахматов, принимая во внимание тесную связь Святополка с вышгородцами, предполагал, что местом, из которого он, согласно Несторову *Чтению*, так быстро мог добраться до столицы, был Вышгород⁴⁰. Что именно в этом городе находился под домашним арестом Святополк, считают также А. В. Назаренко и П. П. Толочко⁴¹. Вышгород расположен примерно в 20-ти километрах к северу от ближайшей южной околицы Киева, Берестового. Очевидно, из Берестового в Вышгород был отправлен специальный гонец с призывом к Святополку немедленно прибыть в Киев. Конный путь в одну сторону мог занять часа три⁴², а значит Святополк добрался до места кончины отца (с учетом, максимум, получасовых сборов), примерно, через шесть — шесть с половиной часов после смерти Владимира. То, что за это время простые киевляне не проводали об уходе своего князя в мир иной, может свидетельствовать лишь о том, что приближенные Владимира строго хранили происшедшее в тайне, ожидая Святополка, в котором видели единственного законного гаранта защиты города от бесчинств толпы.

Придя к власти, Святополк, по заведенной традиции, «созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другимъ кунами, и раздая множество»⁴³, то есть, подобно Людовику Благочестивому, раздал значительную долю имущества отца. Но, очевидно, как и в первом случае, эти пожертвования не могли бы сравниться с повальными грабежами столицы, которых удалось избежать.

1 См.: *ПВЛ*. Ч. 1. С. 89.

2 Там же. С. 86.

3 Там же. С. 89.

4 Татищев В. Н. *История Российская*. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 70; Карамзин Н. М. *История Государства Российского*. М., 1989. Т. 1. С. 160; 299. Прим. 487.

5 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 89, 90.

6 Е. Е. Голубинский прибег к сравнению летописной записи о кончине Владимира с вариантом известия о ней из *Сказания о св. Борисе и Глебе*: «...И се приде вѣстьникъ къ нему [Борису. — Ю. П.] съказа отню ему съмърть, како преставися отецъ его Василии (въ се бо имя баше наречень въ святѣмъ крещении), и како Святопѣлкъ потаи съмърть отца своего, и ночь проймавъ помость на Берестовѣмъ и въ коврьъ обьртѣвъше съвѣсивъше ужи на землю, везъше на

- саньхъ, поставиша и въ църкви святяга Богородица» (Княжеское житие. Сказание о Борисе и Глебе. *Древняя русская литература. Хрестоматия*. Сост. Н. И. Прокофьев. М., 1980. С. 38). Видя в «Сказании» источник летописной записи, ученый, в то же время, считал, что в руках летописца оказался нынешний текст «Сказания», в котором будто бы имеется пропуск двух слов, исказивший следующий первоначальный текст: «*како Святополкъ потаи смерть отца своего, и како бояре, в ночь проймавъ помость и пр...*» (Голубинский Е. О погрешительности одного места в нашей первоначальной летописи, остающейся незамеченною. *ИОРЯС*. Т. IX, кн. 2. СПб., 1904. С. 61–62). Летописец же, по мнению историка, не предполагая пропуска в своем первоисточнике, то есть «Сказании», преобразовал слова «*и како Святополкъ потаи смерть отца своего*» в «*и како отъ Святополка потаиша смерть отца его*» (Там же. С. 62).
- 7 Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Шахматов А. А. *Разыскания о русских летописях*. М.; Жуковский, 2001. С. 33.
- 8 Там же. С. 59.
- 9 Там же. Соображения А. А. Котляревского по поводу обращения с телом Владимира следующие: «*Летописец склонен объяснять этот поступок желанием скрыть от Святополка смерть Владимира, но не странно ли, что вслед за тем, тело умершего князя выставляют в церкви, к нему приходят “люди без числа”, и похороны совершаются гласно и торжественно: объяснение, очевидно, не идет к происшествию. Мы имеем основания видеть здесь особый погребальный обычай, по которому усопшего выносили не дверью, но разнимали помост и в отверстие опускали тело. Такой обычай сохранился и доселе у племен немецких и славянских... мертвец, отошедший из царства жизни, не должен выходить тем же путем, который служит для прихода и ухода живых, смерть не должна знать семейного порога и двери, открывающейся лишь для родных и друзей*» (Котляревский А. *О погребальных обычаях языческих славян*. М., 1868. С. 124, см. также. С. 219). Очевидно, именно с таким обычаем связаны строки «*Слова о полку Игореве*»: «*Уже дьски безъ князя в моем теремъ златовръсьмъ*» (*Слово о полку Игореве* / Вступ. ст. и подготовка древнерус. текста Д. Лихачева; Сост. и коммент. Л. Дмитриева. М., 1987. С. 38). Кнес — «конек» или «князек» — продольный верхний брус крыши или же «матица» — брус, на котором держатся доски потолка (Там же. — С. 206). «Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике, когда умершего выносят из дому через разобранную крышу)» (С. 175 — Объяснительный перевод). Не исключено, что сам автор летописной статьи 1015 г. не понимал, что на самом деле означала разборка хоров, представляя, что эта мера входила в план авантюры по сокрытию тела Владимира. Таким образом «утайка», связанная с некими загробными силами, в тексте летописи накладывается на сокрытие иного рода — от какой-то вполне земной опасности.
- 10 Шахматов А. А. Указ. соч. С. 59.
- 11 Там же. С. 60.
- 12 Лихачев Д. С. Комментарии. *ПВЛ*. Ч. 2. С. 356–357.
- 13 Бугославский С. *Пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Розвідка та тексти)*. К., 1928. С. 185–186; Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XIII вв.* М., 2001. С. 453.
- 14 *Kronika Thietmara / Tłumaczenie (z tekstu łacińskiego), wstęp i przypisy* M. Z. Jedlicki, posłowie K. Ożóg. Kraków, 2002. S. 213–214.
- 15 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 90.
- 16 Толочко О. Образ держави і культ володаря в давній Русі. *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей*. К., 1994. Т. III. С. 23, 30 та ін.
- 17 Толочко А. П. *Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология*. К., 1992. С. 30.
- 18 Шахматов А. А. Указ. соч. С. 59–60.
- 19 *Княжеское житие. Сказание о Борисе и Глебе*. С. 41.
- 20 Кулишер М. И. *Очерки сравнительной этнографии и культуры*. СПб., 1887. С. 179–192.
- 21 Бойцов М. А. Ограбление мертвых государей как всеобщее увлечение. *Казус* 2002. Вып. 4. М., 2002. С. 141, 163.
- 22 Там же. С. 141.
- 23 Дворецкий И. Х. *Латинско-русский словарь*. М., 1976. С. 948.
- 24 Статья М. А. Бойцова вызвала непродолжительную дискуссию между ним и А. Я. Гуревичем (Гуревич А. Я. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя. *Одиссей. Человек в истории*. 2003. М., 2003. С. 221–241; Бойцов М. А. «Вывихи времен» и сопротивление источни-

- ков. Ответ А. Я. Гуревичу. Там же. С. 241–250; Гуревич А. Я. Конец Света или карнавал? Ответ М. А. Бойцову. Там же. С. 250–255).
- 25 Цит. по: Кулишер М. И. Указ. соч. С. 185.
- 26 Бойцов М. А. Указ. соч. С. 164.
- 27 Кулишер М. И. Указ. соч. С. 186.
- 28 Там же. С. 187.
- 29 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 592.
- 30 Там же. Стб. 593.
- 31 Бойцов М. А. Указ. соч. С. 178. Говоря о разграблении дворов покойного Юрия Долгорукого 1157 г. и богатств его сына, Андрея, И. Я. Фроянов отмечает: «*Историки обычно квалифицируют эти грабежи как акты классовой борьбы. Не отрицая наличия в них социального протеста, заметим, что тут звучат и мотивы первобытной психологии*» (Фроянов И. Я. *Киевская Русь. Очерки социально-политической истории*. Л., 1980. С. 145).
- 32 Бойцов М. А. Указ. соч. С. 177–178.
- 33 Там же. С. 182–185.
- 34 *Licentiae seviandi (seviendi)* — свобода зверствования (Там же. С. 166; 196. Прим. 69).
- 35 Бойцов М. А. Указ. соч. С. 187.
- 36 Там же. С. 187–188.
- 37 Цит. по.: Бугославский С. Вказ. праця. С. 186. Возможно, что этот текст «*Чтения о свв. Борисе и Глебе*» повлиял и на сообщение Устюжского летописного свода: «...*бояре таиша Владимирово преставление того ради, дабы не дошла весть до окаянного Святополка. Он же, свьда, вборзь з дружиною своею пристъ в Киев и рече им: “приятъ ми”, и съд на столъ отчи*» (Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 35–36).
- 38 *Kronika Thietmara*. S. 214.
- 39 Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях*. С. 453.
- 40 Шахматов А. А. Указ. соч. С. 72.
- 41 Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях*. С. 452–453; Толочко П. *Дворцовые интриги на Руси*. К., 2001. С. 41.
- 42 Согласно подсчётам А. В. Симоненко.
- 43 *ПВЛ*. Ч. 1. С. 95.

Юрий Писаренко